

Памяти Владимира Евгеньевича Флинта (к 95-летию со Дня рождения).

95 лет назад произошло важнейшее событие, определившее все главные успехи российской природоохранной науки – родился Владимир Евгеньевич Флинт. В истории его жизни история нашей страны была отражена настолько полно и разнообразно, что впору снять красивый художественный фильм-байопик, которые сейчас так популярны у кинопродюсеров. Военная молодость, которую сам Владимир Евгеньевич не любил вспоминать, но 9 мая, обычно на сваленном дереве в парке Знаменских-Садков, был самый главный день памяти. Какая-то немного безумная жизнь уже повзрослевшего мальчишки, которому после возвращения с войны, нельзя поступить в Университет, поскольку он ушел добровольцем, не закончив среднее образование. И пришлось идти учиться в вечернюю школу Рабочей молодежи, и первая работа – проверки счетчиков в только оживающей послевоенной Москве. Так и осталась у Владимира Евгеньевича от той неслучившейся беззаботной юности – юношеская удаль и пронзительно-умудренный взгляд на жизнь, и по всей жизни он эту свою необыкновенную двойственность пронес. Сколько было вокруг соблазнов, чтобы плыть себе по течению в этой мирной жизни, но судьба, но гены – как никак в роду уже были два профессора, привели Владимира Евгеньевича в Университет. И вот тут оказалось, что Владимир Флинт поцелован музой науки. Стоит только посмотреть на огромное число его трудов по самым разнообразным направлениям. Как раз сейчас мы занимаемся сбором библиографии В.Е. Флинта, и нам никому и в голову не могло прийти, как многообразны были его работы, при этом в самом казалось бы попутном исследовании Владимир Евгеньевич умудрялся добраться до

важных и интересных обобщений. Во время работы в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, одновременно с паразитарно-эпидемиологическими исследованиями, Владимир Евгеньевич пишет несколько важных статей о гаге и гагачьем хозяйстве, о расселении сизого голубя, регулярно публикует результаты мониторинга орнитофауны Измайловского парка, отдельные видовые работы по птицам с новыми данными, например, «О гнездовании желтозобика». В.Е. Флинт в середине 60-х гг. начинает исследование оологических особенностей разных видов крупных соколов, и проникается страстью к сбору оологических коллекций. Вообще о таланте Владимира Евгеньевича как коллекционера можно написать отдельную статью, им была собрана коллекция птичьих кладок, коллекция кактусов, коллекция марок, ножей, ну и конечно, прекрасная библиотека, которая сейчас составила золотой фонд библиотеки Московского зоопарка. Но Владимир Евгеньевич и в коллекционировании шел своим особенным путем – его, по его же собственным словам, привлекал в сборе коллекций сам процесс достижения максимально возможного разнообразия. Для того чтобы его достигнуть, Владимир Евгеньевич был готов на самые дерзкие поступки, но как только он достигал этой самой вершины – страсть к уже собранной коллекции его покидала, и он легко с ней расставался и переходил к сбору новой коллекции, и снова в его душе просыпалась страсть истинного коллекционера.

У Владимира Евгеньевича было очень много важных работ в систематике, зоогеографии, общей орнитологии, но интересно, что сам он всегда говорил, что его главное научное открытие было изложено в его докторской диссертации, которая была посвящена пространственной структуре популяций мелких млекопитающих. Владимир Евгеньевич говорил, что основные ее идеи пришли ему в голову, когда он вместе с Александром Александровичем Кишинским плыли на байдарке по протокам устья Индигирки в Якутии. Он рассказывал, что это была необыкновенно тяжелая и опасная экспедиция, и за день перехода на байдарке они настолько выбивались из сил, что едва могли дожидаться вечера. Единственным способом пережить этот тяжелый переход, по словам В.Е. Флинта, было обдумывать какой-нибудь интересный научный вопрос. И практически вся теория в диссертации была придумана во время этой экспедиции, а уже в Москве Владимиру Евгеньевичу осталось только записать все пришедшие ему в голову идеи на бумаге. Так экспедиция помогла не только получить новые сведения о природном разнообразии долины реки Индигирки, но и подарила нам один из самых главных научных трудов В.Е. Флинта.

У Владимира Евгеньевича была очень богатая история путешествий. Одни из очень ярких и для советского времени очень необычных путешествий были путешествия в Африку. Об этих поездках у Владимира Евгеньевича остались веселые истории и ряд отличных статей. А еще возможность выезжать за границу на совещания создало для Владимира Евгеньевича большое поле для общения с иностранными коллегами. В 1994 году, в Страсбурге, на конференции "Anatidae – 2000" – с Владимиром Евгеньевичем раскланивались в коридорах все участники. Понятно, что меня это не могло не поражать, и видя это мое удивление Владимир Евгеньевич сказал очень уверенно, что пройдет лет десять и со мной тоже будут все здороваться. Прошло уже гораздо больше лет, но ни к кому иному на международных конференциях я не видела выражения такого всеобщего восторга и интереса. И дело тут не в каком-нибудь особом интересе к русским, дело в огромном обаянии Владимира Евгеньевича. Как сейчас я вижу, как царственно проплывает Владимир Евгеньевич по коридорам дворца Совета Европы и как все люди

оборачиваются к нему и всем ясно – идет самый значимый человек в этом собрании, настоящий VIP. Владимир Евгеньевич сам так говорил об этом своем таланте общения, что он знает, как войти и что сказать в любой кабинет, к самому грозному начальнику и самому напыщенному бюрократу, и со всеми он может говорить на их языке. Вот эта способность обаять начальство очень сильно пригодилась делу охраны природы, поскольку большинство серьезных работ по редким видам удались благодаря способности Владимира Евгеньевича уговаривать власть предержащих поддержать работы по спасению редких видов. Владимир Евгеньевич был прекрасным систематиком, успешным ученым, и как же повезло охране природы, что в конце 70-х гг. он пришел на работу в Центральную Лабораторию охраны природы Главприроды МСХ СССР (сейчас ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды). Наследие Владимира Евгеньевича в развитии теории и практики сохранения редких и исчезающих видов невозможно переоценить. Это не просто некий кирпич в здании охраны редких и исчезающих видов – это основной фундамент, на котором мы продолжаем строить все наши последующие стратегии и планы действий по сохранению редких видов.

Владимир Евгеньевич блестяще писал законы и подзаконные акты. Помню, как мы мучились с документом, регламентирующим оборот зоологических коллекций. Наконец, проект документа был отнесен Владимиру Евгеньевичу – он немного пожурил нас за корявость и в течение получаса превратил этот жалкий проект в стройный логичный подзаконный акт. Мы, разумеется, были очень довольны, что дело наконец-то успешно закончено, на что Владимир Евгеньевич заметил, что такие документы мы должны писать не каждые полгода, а каждый день. И Владимир Евгеньевич легко мог бы писать по подзаконному акту каждый день, а по новому закону – раз в месяц.

У Владимира Евгеньевича было много дарований, а один из главных – он обладал настоящей харизмой лидера (так и хочется сказать – таких сейчас не делают). Он действительно мог убедить и перетянуть на свою сторону практически любого. Как сейчас не хватает нам в охране природы таких столпов. Сколько раз мы повторяем: «Вот если бы Владимир Евгеньевич об этом сказал, то к нему бы точно прислушались».

Вот уже пятнадцать лет мы без Владимира Евгеньевича.

«Не говори они прошли,

Но с благодарностью – были»

Мы благодарны судьбе, за то, что в нашей жизни был такой учитель. Мне посчастливилось быть ученицей Владимира Евгеньевича, я была его последней аспиранткой. Но до меня в команде Владимира Евгеньевича выросла отличная плеяда его учеников и последователей – В.Г. Кривенко, Ю.М. Щадилов, А.Г. Сорокин, А.Н. Головкин, В.И. Перерва, А.Т. Божанский, О.Б. Переладова, А.П. Шилина, М.В. Мирутенко, В.А. Орлов и многие-многие другие.

Анна Вадимовна Белоусова